

ЖИВОЕ

ПУТАЛО

НИА КА

Nia Ka

Живое пугало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70610848

SelfPub; 2024

Аннотация

В некоем городе всё хорошо, даже очень хорошо. Изредка кто-то умирал, да и бездомных на улицах выше крыши. Ха, смешно, не правда ли? В этой небольшой истории мы прогуляемся по разным улицам города и узнаем, как живут люди с... чем? С "ничего". А сами они – "ни-кто".

Nia Ka

Живое пугало

Так просто отнять жизнь.

Так сложно сохранить всё, что делает нас людьми...

В N-городе бурлит жизнь. Шумный, активный, громкий и незабываемый – примерно такие прилагательные приходили на ум туристов. Каждую секунду, каждую минуту по дорогам проходили волны пешеходов; недовольно сигналили машины, люди, случайно столкнувшиеся носами машин или того хуже попавшие в аварию, и вовсе кричали на друг друга (если могли), чуть ли не идя с кулаками.

На одном из участков дороги перекрыли движение из-за столкновения. Молодой полицейский стоял рядом, пытаясь успокоить двух мужчин, тихо повторяя, что не нужно все решать кулаками, везде есть выход. Но он говорил так тихо и неуверенно, что спорящие лишь отмахнулись от него как от назойливой мухи. Новичку ничего не оставалось сделать как отступить. Первый день на работе, а уже такие приключения. Напарник его регулировал движение машин, точнее пытался хоть как-то возобновить движение. Поменяться нельзя: слишком рискованно оставлять волны машин хоть на секунду. Отступать тоже нельзя, если затянется этот спор – ещё хуже.

– Граждане, успокойтесь, пожалуйста... – слишком тихо, совсем неслышно. И вот, небо решило ему помочь – уж слишком жаль этого беднягу, словно котёнок на фоне лающих бульдогов. Оглушающий звук грома: молния сверкнула на небе, спорящие притихли, а полицейский вздохнул. – Мы просто посмотрим на запись регистратора...

Наконец его услышали. На него обратили внимание.

Этот конфликт был разрешен благодаря наблюдательности полицейского, да и погоде он мысленно сказал спасибо. Хоть верующим и не был, но все же за такую случайность поблагодарить нужно, так, лишним не будет.

И да, у него нет никакой шизофрении.

Таких «столкновений противоречивых интересов» было не мало: кто-то кричал, кто-то уже начал драться, а кто-то тихо хныкал в углу, пытаясь остановить кровь из носа. Были те, которым и вовсе, мягко говоря, всё равно на всех и каждого: шли, зависая в своих драгоценных телефонах и хрен разберёшь, почему они это дома не могут сделать, а идут с ним как зомби, не видя никого и ничего.

На другом конце города случилась ещё одна катастрофа: девочка (серьёзно, ей лет четырнадцать отроду), шла с пакетом с кем-то видно переписываясь. Шла, дорогу она знала наизусть, прекрасно знала когда и где стоят светофоры, где лучше правда быть внимательней. Её знали все соседи... Девочка направлялась домой. Она услышала звон уведомления, прочитав сообщение она остановилась посреди дороги.

Телефон выпал из её рук, а настроение было хуже погоды: из глаз струилась солёная вода, звуки все затихли.

Тут ослепил её свет, оглушающий гром и сигнал машины смешались, резая слух. Девочка очнулась, хотела побежать прочь, но ноги словно прилипли посреди дороги. Она прикрыла глаза, губы тихо прошептали: «Мама...» – это было её последнее слово. Машина мчалась на огромной скорости, остановиться за такое короткое расстояние она бы не смогла, а свернуть некуда. Красный цвет светофора, сменился зелёным, а прозрачная вода окрасилась в ярко-бурый цвет... Кто-то закричал. Водитель вышел из машины, склонился над девочкой.

Дрожащими руками он взял телефон и увидел собственное сообщение.

Мужчина заплакал.

И вновь прогремел гром.

Одни будут говорить, что вот, девочка шла с своим телефоном вот и не заметила красный свет и поплатилась за свои невнимательность; куда поколение пошло. Вторые будут винить водителя, вот гонял на полной скорости, а когда заметил пешехода остановиться не смог. А третьим будет всё равно, у них и так дел и проблем по горло, нечего ещё задерживаться перед кровавой картинкой и разбираться в этом, да и забивать себя лишней нервотрепкой. Их девиз: «Меньше знаешь – крепче спишь».

Но никто так и не узнает настоящую причину этой траге-

дии.

Через день в местных новостях говорилось о том, что тот самый мужчина повесился у себя дома. Его показали, при этом закрыв цензурой горло. Хотя, от чего это спасало? Пятилетние девочки и мальчики смотря на это будут думать, что волшебники на самом деле существуют как в книжках про Гарри Поттера? И просто один из них практиковался, думал левибса или левиоса́ сказать, в конце концов выбрал что-то среднее и теперь парит не подушка, а он сам? Вы там серьезно что ли?

Так что, как только родители заходили посмотреть, почему ребенок орёт на всю квартиру: «ВИНГАРДИУМ ЛЕВИОСА!» и видели по телевизору не привычный им уже Гарри Поттер, а новости в котором мужик повесился, то сначала они стояли в полном смятении, а после быстро выключали телик. А некоторые (слишком уж беспокоившиеся о психике детей), бросали в телевизор предметы, так что пришлось потом успокаивать ребенка и ехать чинить телевизор.

ЭВ городе было столько маленьких и интересных историй, столько мыслей и тараканов в голове каждого прохожего, что мне автору, хотелось просто взять каждого человека рассказать его прошлое и настоящее, а может и будущее расписать это всё в одной части, и, и... Но, нет, во-первых, это некрасиво, а во-вторых, мне всё равно очень сильно лень.

Все прелести N-города можно раскрывать бесконечно, заходя в каждый дом, переулок, каждый магазин независимо

от размера. Лучи солнца играли быстрыми зайчиками на стеклах небоскрёбов, стекломойщики этих самых небоскрёбов пытались не уронить ничего с такой высоты на голову прохожего, хотя такие случаи бывали.

Обычно обходилось: «Прости пожалуйста, я случайно! – А, да не парься мужик, с кем не бывает!». Бывали и совсем вредные люди, которые после этого заставляли платить их деньги на лечение, даже если бы ведро мимо попало, то за посещение психолога, а то от такого может и сердце не выдержать, да и психика тоже! Ну это уже были настоящие королевы драмы, а бедные работяги, чтоб уж под суд не попасть, плясали под их дудочку.

Но это лишь верхушка айсберга.

Все эти иллюзии можно легко стереть, лишь взмахнув рукой: статус, ложь, деньги. Этим мир и пропитался. Так прочно въелся в сознании каждого человека, так крепко обвязал сердце – что многие не могут представить жизнь без «каждому нужна железная рука». Железная рука, но не железное сердце. Железная рука, но не железный голос. Железная рука, но не железный взгляд.

Это вам не как дикое животное поедает свою жертву. Это та самая жестокость, которая разрушает человека, которая бьёт по самому больному, впитывается в каждую извилину мозга, в каждую клеточку сердца. Жестокие люди существуют, они хорошо об этом знают. Знают как жестокость превращается в железные крючки, каждое слово, каждое дей-

ствие такого человека намертво цепляется в сердце жертвы, кровоточит, да и изъять больно.

Почему многие, путают жестокость, с справедливостью? Почему многие, считают, что жестокость – это неотъемлемая часть воспитания и мира? Почему многие, забыли о великодушии, бескорыстности и доброте?

Почему эти вопросы задают себе дети?

Они должны же сидеть рядом со своими родителями, поселиться со своими братьями и сестрами, играть и смеяться. Почему же сидя под ливнем, дети, обнимая камушки, мусорные пакеты, вещичку, которую они берегут как золото, сидят отдельно друг от друга, плача, и задают себе такие вопросы? Почему прохожие спешат куда-то мимо них. Почему никто даже беглый взгляд не бросает на таких детей? Почему же дети, держа за руку взрослого, замечают их, показывают пальцем и смеются? Почему же родители их, говорят, что это плохо, но даже гроша не дают, чтобы помочь?

Лишь иногда, в стае черных ворон, встречается белая ворона. Вероятность так мала, такая невозможная и крошечная... Никто бы не поверил, что такие ещё существуют.

Вот и сейчас, тихо напевая песенку, шёл мальчик. В руках у него чёрный зонтик уж слишком большой для него, видно взял у взрослых. Иногда этот зонтик соприкасался с асфальтом, ему приходилось вновь поднимать его с огромным усилием. Но сейчас он шёл в вприпрыжку, даже не боясь поскользнуться. Сколько ему? Ну лет шесть-семь точно будет.

Дети в таком возрасте ничего не боятся, он может и на зонтике сейчас прокатиться прямо по дороге вниз. А что, хорошая идея. Как на санках, только осенью!

Но от этого его остановил тихий всхлип. И нет, не звук, когда множество ног наступают на одну и ту же лужу. Это был... Плач?

Опуская зонтик, он потащил зонт за собой в сторону звука. Что он увидел! Дрожащее тело, на улице и так было холодно, да и дождь ещё, а это тело совсем в обновках, дрожит, плачет. Он так заболел же... Какая кожа тонкая, прилипла к костям, и так висит, словно это не кожа, а ткань на скелете.

– Ой, вам холодно? – тихо спросил мальчик подбираясь ближе.

Тело подняло глаза. Грусть, страх, удивление всё смешалось в глазах его. Тело тяжело кивнуло. Мальчик же начал оглядываться. Подумал и передал ему зонтик.

– Возьмите мой зонтик! У меня нет с собой теплой одежды. Но я поплочу маму и она вам купит! – мальчик протянул зонтик.

Тонкие пальцы охватили ручку зонтика, он открывал рот, пытаясь повторить то, что постоянно говорили рядом, у магазина. Постоянная реклама вечно кричала...

– С-спас-си-иб... – договорить он не мог, голос был слабым и хриплым, повезет, если мальчик его вообще услышал. Судя по улыбке мальчика, он услышал.

– Я здесь недалеко живу, я буду почаще навещать вас!

Мама мне говорит, что людям нужно помогать при этом не прося ничего взамен! – говорил мальчик, его глаза сверкали прям как капельки дождя на зонте. – Меня зовут Митя, а вас?

Его звали... Как у такого может быть имя? Такие ни писать, ни говорить не умеют. У них даже право на жизнь, на нормальную жизнь нет. Такие как он последними силами цепляются за жизнь, но при этом каждый день молиться о скорейшей смерти. Как у такого может быть имя?

– Миша! Вы будете Мишей! – радостно закричал мальчик. Со стороны это выглядело так, словно он даёт имя питомцу.

Услыша весёлый крик сына, мужчина побежал на звук и схватив его, слегка приобнял. Опустил взгляд и увидел свои зонтик.

– Папа, папа! У меня тепель есть друг! Его зовут Миша! – радостно хлопая в ладоши говорил он.

Отец его не слушал, он отдёргнул зонтил и перехватил по удобнее, словно не замечая слабое тело под ногами. Оно открывало рот как рыба на суше, протягивала свои тонкие ручки, такие тонкие, что более похожи на ветки ближайшего тополя...

– Папа, папа! Ты что делаешь? Это я дал Мише!

– Нельзя давать свои вещи всяким... Таким. – найдя более подходящее слово сказал тот. Хотя сказал он с таким отвращением и неприязнью, что мальчик стих, перевернулся, пытаясь дотянуться до друга своими маленькими ручонками.

– Ну он не «таким»! Его зовут Миша! – чуть не плача говорил Митя, не переставая протягивать руки, при это даже не боясь свалиться. – Где мама? Хочу к маме!

– Хватит! – со злостью прокричал он, поворачивая ребенка к себе. – Я тебе не папа. И мамы у тебя никогда не было. Друзей никогда не будет, если хоть посмотришь на «это! Будешь сопротивляться верну обратно в приют!

Мальчик замолк, глаза его намокли, а настроение стало хуже чем у тучи... Он бросил свой последний взгляд на Мишу и скрылся с отцом в толпе.

Мишу же больше не держало в этом мире ничего. Он простудился, с таким слабым телом и здоровьем – умер от этой болезни уже ровно через два дня после того случая. Про него никто не вспомнит, никто и не заметил как он умер. Эти дети-сироты умирают как собаки. Лежат дохлые на земле, а заметят их лишь тогда, когда уж вонь станет просто невыносимой, придётся убирать либо самим или вызывать специальную службу.

И лишь Митя будет вспоминать о том мальчике каждый день. Через несколько лет мальчик придёт на то место, увидит кости и упадёт на колени. Пообещает себе, что сделает всё возможное, чтобы все жили в домах, спали в теплых кроватях... Но он не успеет, его съёт та самая машина, которая ещё в самом начале этого рассказа успела попасть под руку ГАИ.

На другом конце N-города, совсем не кипела жизнь. Это была огромная пустошь с многочисленными хуторами. Людей здесь встретишь редко. Здесь всегда так тихо и спокойно, что... Немногие остались. Все коренные жители этой пустоши уехали в город, другие просто уже полегли от старости лет. Фактически все дома были заброшенные, но они были очень далеко друг от друга. Но всё же это был рай для бездомных. Точнее был бы, если бы не...

Старик.

Он умудрился насадить собак на каждый дом и только попробуй теперь поселиться где-нибудь, сожрёт псина и не подавится. А старик этот, объяснял это тем, что теперь это его частная собственность, и он имеет полное право защищать любимыми способами. То, что те самые владельцы домов ничего об этом знать не знают, да и согласия они этому ворчуну не давали, его не волновало. В общем, я просто спишу это на старческий маразм.

Он единственный житель этой пустоши, и как-то умудряется держать все хутора под контролем. А ещё, здесь у него ферма, так что он долго ещё проживёт. Подъем в пять утра, поливка, покормить коров, доставить к клиенту молочка, даже если клиент за сто километров отсюда. Но, что было хорошо, к своему дому он собак не приставил, была конечно одна, но она пастушья и такая добрая-добрая, уж совсем на хозяйина не похожа.

На ферме: небольшой дом, коровник и заброшенный са-

рай. Конечно не забываем про огород, но нас сейчас интересует заброшенный, ветхий сарай. Укрытие не из лучших, будто его первый поросёнок построил, только из досок, а не из соломы, и при это не использовал ни единого гвоздя.

Но им было и здесь хорошо. Повезло ещё, что старик считает сарай настоящим мусорным баком и хоть какая-то еда к ним прилетает. А если что, можно раз в день выйти на свет, по-тихому красть что-нибудь с огорода и уйти обратно. Нь-кто же они?

Семья. Да, это семья: с мамой, папой и детьми. Что их отличало от всех бездомных? Отец умел читать, вскоре научил этому делу и дочь. Мать же их, уже давно больна, лежит в лихорадке, брыкается, кричит... Но, каждому было плевать друг на друга, каждый член «семьи» хотел выжить.

Так что «отец», боясь быть пойманным стариком, вышел ночью на улицу. В руках он держал «жену». Та что-то шептала, тело её горело. Какие-то бредни, то про солому бубника, то про пугало ночное... Но «муж» её не понимал и вскоре она резко замолчала.

Тело её упало прямо на торчащую арматуру. Оглядываясь, «отец» поднял уже мертвое тело, и бросил куда-то далеко за кусты, он кинул её так далеко, что вернулся лишь тогда, когда вошло солнце.

Но место куда он её сбросил, помнил прекрасно. Вскоре, эти знания пригодятся ему, в одном деле.

Дочь сидела тогда в сарае, глаза её не были наполнены той

болью, которая должна быть у тех, кто потерял мать. Не было ни ярости на отца, который так безразлично убил мать, лишь потому, что она кричала. Ни-че-го. Бездна, бездонные чёрные глаза, без чувств и эмоций. Отец был доволен: не только места больше стало, да и ребенок не так сильно воспринял смерть матери. Хотя, может это потому, что эта женщина просто чужая в их дуэте?

С этого и начались два месяца проживания в этом сарае.

– Нарцисса. – какую они книжку читали? Там про цветы, как ухаживать, поливать и тому подобное. – Сегодня можно выйти.

– Хо-ро-шо. – проговорила она по слогам, отвернулась и поползла к окну.

Солнце уже вошло, лучи его проникали до каждого уголка, каждой щели и угла.

Солнце слепило глаза, Наци открыла окно и протянула вперёд руку. Для неё всегда казалось, что это жёлтая точка на небе, которая так резала глаза, может сильно обжечь её. Ведь за эти два месца онаине выходила на свет. Боялась, что только переступив порог сарая произойдёт нечто непоправимое... Но её мысли вновь вернулись к солнцу.

Вот вытянешь руку: кожа покроется красными ожогами, а после она почернеет словно обугленное дерево, да и не пошевелить больше нельзя, и будет висеть как полу-отрубленная ветка. Но её ждал сюрприз: руку не обожгло, а даже наоборот, стало очень приятно от лёгкого тепла. Оно успокаивает.

вало и так приятно грело, что забывались все проблемы жизни, она чувствовала себя обычным ребёнком...

Выползая из окна словно червь, Нарцисса прикрыла глаза рукой, создавая некую «кепочку», защищая себя от утреннего солнца. Чему она удивилась, так это тому, что старика нигде не оказалось – даже сутулая фигура его не виднелась на огороде.

«Что-то про-изо-шло».

Тихо ступая по земле, стараясь не наступать на стекла разбитой бутылки, хотя даже если бы наступила на ржавый гвоздь, ничего: померла бы и освободилась от этих мук. Ей всегда казалось, сделает она неверный шаг и покончит как её мать. Болеть категорически было нельзя: от лёгкой простуды и помереть можно (ещё труп вонять будет, привлекать всяких собак), на чихание и всякие неконтролируемые звуки могут привлечь старика.

Старик.

Скорее просто заказ сделали рано утром, вот и его нигде не видно. Это вполне логично, не первый же раз такое. Но Нарцисса нутром чувствовала, что здесь явно что-то не так. Да и Бобик молчит. А пастушья собачка в это время всегда весело лает, когда краем глаза замечает её. Что же такое могло произойти, что ни старика, ни Бобика не видно?

Несмотря на эти мысли, Наци пыталась не лезть и не разгадывать это дело, и просто собирала то, что было на огороде и то, что можно поесть. Собирала она на запас, и правильно:

такого шанса ещё долго не будет.

Дом. Совсем небольшой, двухэтажный из кирпича. Широкая труба, грязные окна и чуть поломанная дверь в верхнем правом углу. Зелёная крыша, которая, казалось, вот-вот сейчас упадёт прямо на голову, и сделает такой красивый волнистый надрез прямо у шеи. Откинув такие мрачные мысли Наци решила ещё немного прогуляться. Она обошла дом уже раз десять не меньше – запоминая каждую трещину, каждый кирпичик, заглядывая через окна, но при этом она так и не увидела внутреннее убранство дома.

Она услышала тихий скрип ворот. Глаза её округлились, сердце уже готовилось выскочить из груди. Если её увидят, то и так кошмарная жизнь, который она считала уже самым обыденным и незаменимым, превратится в сущий Ад. Старик выбросит их как собак на улицу и будут они и в снег, и в град жить под открытым небом, мёрзнуть, и в конце концов умерут от гриппа. Такое уже было.

Она не хотела возвращаться к такому образу жизни.

Схватив покрепче припасы, она кинулась в сторону сарая, пытаясь оставаться незамеченной. Но... Бобик учуял её, начал громко и счастливо лаять. Наци не остановилась, бежала в сторону сарая, понимая, – малейшее сомнение, остановка, всё, можешь считать, что ты уже в Аду.

– Боб. Ты чего так завелся? – спросил у собаки вечно недовольный старик.

Сильно дёрнув поводок, он пытался успокоить собаку. Че-

рез несколько таких действий, Бобик утихомирился. Старик пробурчал что-то под нос, раскашлялся и пошёл наконец домой.

Такое простое задание, а столько переживаний. Наци тихо открыла дверь, пытаясь сильно не шуметь; высыпала припасы куда-то в сторону, села у окна, даже не оборачиваясь на спящего отца.

– Ст-раш-но. – тихо проговаривала она, повторяя это слово по несколько раз.

В конце концов она сумела произнести слово целиком. Наци слегка улыбаясь, устроилась как можно удобнее в сарайчике и тихо, вновь произнесла:

– Страшно...

Так проходил дни, монотонно, ничего не менялось от слова совсем: старик уезжал по-раньше, Наци брала что-нибудь съестное и шла обратно. Отец её целыми днями спал, бодрым она стала его видеть все реже и реже...

Сколько лет они так жили? Ну, скажем так, всего лишь два месяца. Да-да, не удивляйтесь, думаете, им фортуна прям сразу улыбнулась? Нет. Они как и остальные жили без крыши над головой, просили хоть крошку хлеба, рылись в мусорном баке как голодные собаки... Терпели унижения, несколько раз попадали в полицейский участок из-за воровства, которые они не совершали. Их жизнь, два месяца назад была сущим адом. И главное, каждый жил сам по себе. Наци имела свою историю, а её отец свою.

Нарцисса сидела, перебирала пальцами пытаюсь, хоть чем-то себя занять.

– Зве-зд-ды яр-ки-е ми-га-ют... – тихо пела она, слабо покачивая головой. – П-пти-цы бо-ль-ше н-не п-по-ют...

Наци затихла. Ей показалось или кто-то зарычал?

На улице глубокая ночь, спать совсем не хотелось. Выйти бы сейчас, подышать ночным воздухом... Наци впрочем ничего не останавливало. Аккуратно встав, не задевая полки, она вышла из сарая, глубоко вздохнула и...

По ее телу пробежал табун мурашек и нет, не от холода. От страха. И страшно было от того, что даже не ясно, в чем причина страха. Но Наци отчётливо чувствовала это, а понять не могла, почему у неё сердце, словно скомкалось и стучит все слабее и слабее, а после лопается и стук становится все быстрее и быстрее? Почему ноги онемели, а мозг всё громче кричит: «Уходи! Живее! Беги!».. Она не могла сдвинуться с места, ей отчаянно хотелось узнать, что вызвало такое состояние у неё. Вокруг темно, лишь слабый свет луны помогал хоть как-то разглядеть силуэт.

Стоп. Силуэт?

Наци потеряла глаза, посмотрела на тоже самое место – силуэта не было. Может у неё паранойя? И это просто её тень?

Вокруг тишина, такая, что можно было услышать как сердце Наци, словно мотор стучит, стучит и стучит, неестественно быстро стучит.

Выдох...

Железный запах... Такой же как у «матери» её, которую она отыскала. Она когда-то была на кладбище, и поняла, что закопанные мертвые тела – хорошее удобрение, и, к слову, трупы надо закапывать. Она так и сделала. Наци чувствовала запах гнили, с рвсем непохожий на запах крови. Откуда она знала о запахе крови? Просто она ногти подрезала секатором, от такой процедуры она лишилась указательного пальца на правой руке... Так что Наци перестала так делать. Да и запах запомнила на долгие годы.

Удивительно, что она выжила.

Этот запах, – словно смесь свежей крови и гнили, – неприятно щекочит нос, Нарцисса обернулась: всей кожей она чувствовала чье-то присутствие. И от этого чувства избавиться она не могла никак. Пока не увидит нарушителя покоя, останется без сна уж точно. Инстинкт самосохранения медленно, но верно побеждал Нарцисса пятясь назад к сараю, при этом не отводя взгляда. Тихо ступая назад... Услыша знакомый скрип, Наци упала на копчик при этом тяжело дыша.

Перед глазами появился человек, так неожиданно, что Наци не разглядела его и закричала.

– Аааа..! Мфм!

– Тш! Ты чего кричишь? – закрывая ей рот, недовольно прошептал отец её.

– Т-ты... Н-на-пу... – сердце колотилось в четыре раза сильнее, отчаянно хотелось под кустик. Но выходить в такое время Наци наотрез себе отказала. Лучше здесь, в безопас-

ности... А, чего она собственно испугалась? Да она сама не знала.

– Все, я понял. – отрезал отец и она замолкла.

Постепенно Наци смогла утихомирить свой страх, а после и вовсе вернуть организм в нормальное состояние. Отец не спрашивал ничего больше. Просто отвернулся, лег обратно и вновь заснул. Нарцисса устроилась рядом,

Завтра будет как сегодня, солнце встанет ровно в 4:32...

Она хотела уснуть, сейчас, как её отец – тихо, молча, и не думая ни о чём. Но её мысли занимала та история, случившиеся относительно недавно. Наци просто не понимала откуда взялся этот зверский страх. Что же это был за силуэт? Почему же она, впервые так испугалась? Да и сама не знала почему.

Была бы это паническая атака, которую она в жизни не испытывала никогда, но видела довольно часто, то ощущения бы были совершенно другие. По словам её отца, она длится не меньше десяти минут. А её страх сразу затих, как только зашла в этот сарай, услышала голос отца. Но сейчас, сейчас Нарцисса чувствовала как сердце сжимает, а крупный ком поступает к горлу...

Этот страх вновь вернулся.

Ей почудилось, а может и нет, но рядом что-то треснуло и вдребезги разбилось. Вскочив, Наци нервно оглядывалась, шевелила губами, но ничего не говорила. Казалось, схватит её чудище, не сможет и позвать на помощь, даже закричать.

Воздух для неё становился всё гуще и тяжелее, так, что она не могла нормально вздохнуть носом, даже ртом, – хрипела – и это был единственный звук нарушающий тишину этого места. Мёртвое молчание давило на её слабые легкие. И тут, услышала чей-то шепот: рада была она или наоборот, даже сама Наци не понимала. Но страх становился всё сильнее.

Но любопытство всё же брало вверх над ней.

Глубоко вздохнув, она сжала кулаки и выглянула в окно, которого, впрочем и не было. Была лишь ветхая рама из древесины, которую уже захватил мох. Скажу же я, что дожди в этом месте не такая уж и редкость – больше я не буду говорить ничего. Нарцисса протянула дрожащую руку к окну и её всё ещё дрожащие пальцы осветились слабым светом кровавой луны. Теперь она точно видела, как они дрожали.

Ничего не произошло. Чего она ждала то? Протянула вторую руку: ничего. Тогда, она осмелела, выглянула в окно и глубоко вздохнула. Оглядывалась, все равно ничего не было видать, лишь трава, одиноко стоящие деревья, но больше ничего. Хотела бы Наци вернуться обратно, прижаться к своему отцу и заснуть как ни в чем не бывало. Но не могла. Поэтому, она пролезла через оконное отверстие и приземлилась на ноги.

Холодная и влажная земля, приятно стоять так, с босыми ногами, слушать завывание ветра и шорох ещё не опавших листьев. Нарцисса чуть отошла в сторону и почувствовала,

что земля сухая, вернулась обратно, ноги вновь почувствовали влажность. Вздвогнув, она сделала шаг вперёд. Так она шла, петляя, ища влажные зоны. Не понимала она себя, не понимала своих действий, но шла, не задавая вопросы и не ища ответы. Шла так минут десять, не меньше. Дошла до огромного валуна, прикоснулась к нему рукой и так же быстро отдернула её. До нее долетел не самый приятный запах, она поморщилась с обошла валун.

Там, под светом кровавой луны лежало тело. Царит полумрак, но Нарцисса смогла разглядеть это тело: и тут же приметилла черты лица матери. А умерла то она давно, а выгладит её тело... Наци понимает, что кто-то сделал с ней это, ведь когда Наци закапывала её, то «мать» выгладела иначе.

Картина похуже трупа, которое Нпэарцисса хоронила. Вместо глаз у «матери» солома, чистая солома. Не испачканная в крови и слизи. Да и кожа, её словно... Поменяли. Даже хуже: сняли и натянули обратно. Ещё красивее, сглаживая морщины, словно складки на ткани. Привлек внимание живот, в ней дыры от арматуры просто не было. Нарциссу это не пугало, ведь она не знала, как убили её мать.

А вот я посвящаю вас в эту деталь, напугать ли? Кто знает. Сама Нарцисса протянула руку и коснулась кончиками пальцев этого тела. Холодное и гладкое. Ощущение такое, словно гладишь тетрадную обложку, а не кожу, хоть и мёртвого, но человека. Кожа как атласная ткань, ровная, без складок...

– Ма-ма... Мама...

Как только было произнесено это слово, ветер завыл ещё сильнее, путая и так длинные и лохматые волосы Нарциссы. Она убрала руку, перестав гладить кожу умершей матери. Наци отметила про себя, что если чуть надавить, то внутри неё не мышцы и кости, а что-то похожее на пух. Даже, больше на солому. Значит, она полностью забита соломой? Голову посещали пугающие мысли. Кто же напихал соломы в тело её умершей матери? Вопросов становилось всё больше, а ответы не находились.

Нарциссу вновь схватывают щупальца страха.

Её тело с глухим грохотом падает на землю.

Зачем читателям знать все подробности этой истории? Лишь ничтожная жизнь, которую просто отняли у неё. Это девочка, познавшая холод смерти, при жизни даже не зная, что есть «тепло» и «холодно». Ничтожная жизнь. Отброс общества.

«Собаке – собачья смерть».

Нужно ли вам знать, что через несколько дне в N-городе резко повысится спрос на пугала, пугающие не только ворон, но и людей? От описания пугал я воздержусь, давая волю фантазии дорогим читателям.

В городе же никто и не догадывается, что такие пугающие пугала раньше были живыми людьми. Да и узнали, что бы изменилось? Пошли массовые беспорядки, этот человек, со-творивший всё это, понес наказание... А дальше? Вернуть

их к жизни они все равно не смогут. Да и через две-три недели все забудут об этом.

«Кто эти люди? Никто».